

13 февраля 2026

МАРИНА ДМИТРЕВСКАЯ

ЮГОРСКОЕ «Ю»

«Ю». О. Мухина.

Городской драматический театр (Нижневартовск).

Режиссер Ленара Гадельшина, художник Ирина Бринкус.

«Эй, МОСКВА, — я хотел бы крикнуть ей в лицо, стоя на подножке поезда, уезжая навсегда, — я еще одену белый плащ, сяду в синюю машину, буду ездить по твоим улицам всю ночь, кидаться в милиционеров деньгами — все тебе назло!»

Оля Мухина. «Ю»

Лирический абсурдизм Оли Мухиной ломает хронотоп. Вобравший в себя приметы разных советских времен, смешавший уличный магнитофонный щелчок и лирическую литературную страсть, весенне-летние погоды с их дождями и поливалками и общие места 30-х и 60-х, в которых путаются приметы десятилетий, — этот лирический абсурд не привязан ни к какому времени, а только к месту. Выходит, и нет его, хронотопа? А ведь казалось, что есть... Или это что-то буддийское: времени нет, дано только пространство.

Сцена из спектакля.

Фото — Анна Стрельцова.

Например, Москва, воспетая во многих песнях. И пока Москва стоит, пока в ней водятся обыкновенные волки и медведи, а люди влюбляются, — пьесы Мухиной продолжают жить, хотя со времени их написания прошло ого-го сколько. Но, как и раньше, женщины пьют кофе и чай с травами, а мужчины водку, всегда где-то идет война, которая никак не кончится, хотя давно обещают. С нее возвращаются героями и на нее обещают уйти, спасаясь от несчастной любви, чтобы героем стать. Хотя время мирное... Как и раньше — посмотришь в окно, а там яблони цветут и «всадники без голов все мчатся, мчатся на железных конях, машут шашками, стреляют из пистолетов». И неизвестно, по пьяни или от восторга. А праздничная иллюминация, в которой радостно чокаются рюмками, вдруг гаснет, потому что опять непредсказуемо отключили электричество... Здесь живут без календарей, предпочитая «ориентироваться по огурцам, яблокам и цветению деревьев», и пьют триметилбутан, чтобы умереть от любви, (или ездят к Люсе с развратным прошлым) — отчего ж не возвращаться/обращаться к этим текстам?

Вот в Югре, в Нижневартовске поставили «Ю». Которая то ли «You», то ли свист «губы в трубочку» — так до сих пор и неизвестно...

Ставить Мухину с ее абстрактностью непросто, это всегда аранжировка поэзии, здесь можно сочинять свои, всегда неочевидные, сюжеты, это партитура для художественного голосоведения, рисунок для вышивки крестиком. Пожалуй, только Л. Эренбург когда-то «посадил» бабочку текста в самоубийственный быт и густую этюдную бытовуху и обозначил летучие связи определенностью отношений, а желание умереть от любви или от отчаяния сделал суицидальным фоном жизни.

Несколько сюжетных линий все-таки прочерчиваются в хоровом гомоне «Ю».

Сцена из спектакля.

Фото — Анна Стрельцова.

Понятно, что пышнотелая, сердобольная Елизавета Сергеевна (Валентина Захарко) любила когда-то Барсукова (да и сейчас любит), но он был пьющий (да и сейчас пьет). И вышла она замуж за Степана (Сергей Лесков), парализовав его волю настолько, что он тоже стал пить. Иногда с Барсуковым (Александр Лебедев). Прелестная сцена — как сидят эти двое мужиков в шкафу, разговаривают и выпивают, потому что так и живут рядом... Только Степан не знал, что жена у Барсукова умерла.

Сюжетно понятно, что Сестра и Дмитрий влюбляются друг в друга, что муж Сева ревнует и режет себе вены, но не до конца... И что когда придется выбирать, Сестра выберет его, а не до смерти полюбившего ее Дмитрия. Он, наверное, застрелится в финале. А может, пойдет гулять по бульварам.

Но дело здесь не в сюжете.

Спектакль Нижневартковского театра прописан в игрушечной Москве, которая напоминает детскую площадку с маленькой Спасской башней, миниатюрным колесом обозрения и игрушечным памятником Пушкину, голову которого однажды меняют на голову Ленина (шутка удачная и могла бы длиться: есть еще Гоголь, Тургенев, Грибоедов, Высоцкий, Калашников и Владимир — вся Москва...). Взрослые люди, как дети, скатываются со второго этажа декорации по детской горке вместе со своими наивными чувствами, желаниями и светлым взглядом в никуда. А в постаменте памятника Степану удобно хранить сапоги и поллитры — как в тайничке, — если он собирается на свободу от властной Елизаветы. Но она все равно настигает его и переобувает в мягкие детские тапки. Это все — маленький мир детского парка советской культуры и отдыха, наивного человеческого общежития, стремящегося к радости, в котором живут аляповато наряженные персонажи, рвущиеся куда-то — в любовь, в подвиги...

Сцена из спектакля.

Фото — Анна Стрельцова.

«Скоро вы повзрослеете», — говорит Елизавета, прижимая к полной груди головы двух любимых ею немолодых мужчин и поя их свежесваренным чаем из двух чашек... А решив подарить сопернику Дмитрию карту нашей Родины, ревнующий Сева (Роман Горбатов) приносит на плече свою жену — Сестру (Евгения Хлебникова) — и на ее послушно-тряпично повисшем туловище, на спине-попе-ногах саркастически и отчаянно объясняет что-то про бескрайние просторы любимого отечества...

Броуновское движение персонажей иногда замирает — и тогда сцена любви Дмитрия и Сестры превращается в хореографический номер под идущим снегом (а может, это падает яблоневый цвет). Или в финале все выстроится на балконе с бокалами, предполагая, что Новый год придет, но не будучи до конца в этом уверены. А вдруг не придет?

Партитура спектакля полифонически разработана, а когда лирики Мухиной режиссеру и актерам как будто не хватает — в спектакль инкрустируются стихи Маяковского и Буковски, в которых бурлят любовные чувства героев. Эхом звучат мелодии из фильмов 60-х и 70-х — как будто включили радио, или герои затягивают многоголосие «Москва, звонят колокола...», а заканчивает все «Московский бит».

Это одновременно день и ночь, зима и лето, здесь носят шубы и атласные платья. Это мир дурацкий, хрупкий и постоянно тревожный. Он часто замирает от звуков идущей войны, которой вроде нет, и вроде как она кончилась, но она идет. Люди привыкли к ней и заняты любовными хороводами, но вдруг жизнь застывает, и тревога замирает немymi сценами...

Сцена из спектакля.

Фото — Анна Стрельцова.

Подзаголовок спектакля — «Вот и все о любви (и ее обмане)». Ну да, летчик, за которым неотступно следила аппетитная Пирогова (Ангелина Жук), оказался женат, но ведь он не виноват, и у него восемь детей... Ну да, Дмитрий (Михаил Дедерчук) проиграл Сeve и, вероятно, застрелится, но с утра жизнь на детской площадке лучшего города земли так или иначе продолжится снова. Потому что ей просто некуда деться, она прописана между Спасской башней и памятником Пушкину-Ленину. Приходится жить. Если не уходить на фронт, как Коля Барсуков (Владимир Ткаченко), которого не полюбила Аня (Мария Бардина), потому что она полюбила Андрея (Борис Шаханин), — и снова все по кругу обозрения, в колесе вверх-вниз. Пока не укачает.

И югорский зритель качается на этих волнах, уже привыкнув к внезапным перебоям с электричеством, отключению интернета и шуму военного аэродрома. Но лучше не думать, а заварить чаю. Вам простого или с травами?..